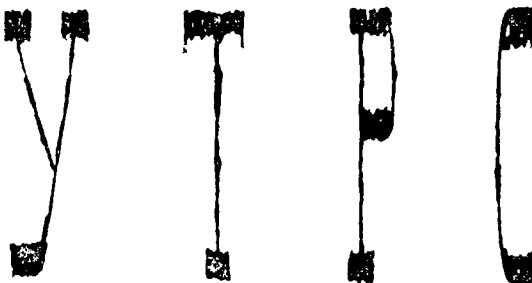

Борис ФИЛЕВ

Мне пришлось встретиться с одним атеистом — человеком, характер которого напоминал заряженное ружье, готовое в любую минуту выстрелить. Меня поразило его недобродое отношение к верующим, к тем, среди кого ему надлежало вести пропаганду.

— Вы их ненавидите? — спросил я.

— Да, — ответил он, не задумываясь.

— Тогда вам не следовало бы заниматься этим делом.

— Почему? — В его голосе было и подозрение, и недоумение, и даже нотки вражды — не из их ли я лагеря?

Он не понимал, что для нас враждебна идеология верующих, но не сами верующие, что наша задача — убедить их в истинности нашей большой правды. Убедить. А это заведомо невозможно при ненависти.

Поэтому каждая попытка отнести с вдумчивым вниманием к верующему, заглянуть в его внутренний мир ценна. Именно это и пробует сделать в своем рассказе Борис Филев — автор, принадлежащий к самому молодому поколению в нашей литературе. Как у него получилось, пусть судит читатель.

В. ТЕНДРЯКОВ

Ночь стояла, когда Федор Пережогин шел из колхоза в районное село Окатово. Посыпали на сев, и вставать было рано. Сутулилась его фигура, голова, вопреки обычному, была высоко поднята. Всем телом ощущал он льдистую сырость луга, пьянял от летучего запаха ранней травы, счастливо слушал неугомонное тарахтенье трактора. Глаза егоширились, а на большелобом, сухом, как у мальчика, лице блуждала кроткая, смущенная улыбка. И только когда взглядывал перед собой, она исчезала, лицо являло строгость и торжественность.

Странное там небо, куда направлялся Федор. По-дневному светлое у горизонта, выше приобретало оно зеленоватый цвет, серело, тускнело и только над головой становилось темным. От бьющих из-за края земли прозрачных снопов воздух был сумеречный и зыбкий. Когда-то проходил Федор восемь зим в школу и знал, что это северное сияние. Однако давно в него не верил, и загадочный холодный свет рождал тревогу и смятение...

«Не иначе, знак божий,— приходила мысль.— Господь провещивается, ободряет слуг своих...»

Сердце Пережогина стучало редко и с силой, твердые губы двигались: он озабоченно решал, что сделал для господы. Вскоре отмякал лицом, шагал ровнее, спокойнее.

Работал Федор на льнозаводе, весовщиком. Но в селе его больше знали как богомольного человека. И приподнялся он из-за этого. Днем садил у тетки картофель, а вечером в избе толковал о божественном.

Братан, семиклассник Шурка, вздумал вступать в комсомол, и надо было убедить его от антихриста поступка. Вспоминая тихое лицо паренька, неулыбчивые при-